

и г р ы • ч у ж о г о • р а з у м а

Читайте остросюжетные романы Надежды и Николая Зориных
в серии «Игры чужого разума»:

Реквием Сальери
Формула влияния
Числовой код бессмертия
Ловушка памяти
Эффект предвидения
Программист жизни
Коллекционер желаний

Надежда и Николай
ЗОРИНЫ

*Коллекционер
желаний*

МОСКВА
2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-86

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *Вячеслава Коробейникова*

*Ранее роман издавался
под названием «Ремейк последнего желания»*

Зорина, Надежда.

З-86 Коллекционер желаний / Надежда и Николай Зорины. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Игры чужого разума. Остросюжетные романы Н. и Н. Зориных).

ISBN 978-5-699-96745-2

Только-только в личной жизни Кати наместились приятные изменения: она встретила весьма привлекательного мужчину и решила наконец бросить своего нелюбимого мужа. Оставалась самая малость — прощальный ужин с Вадимом в день его рождения. Если бы она знала, чем это кончится!.. Тишину дачного поселка разорвал выстрел. Вадим пошатнулся и упал на засыпанную снегом дорожку.. Приехавшие гости с ходу обвинили в убийстве Катю. А потом перед ними появился клоун в белом, с пистолетом в руке и кровавым пятном на груди... Вадим! Это был розыгрыш! Вернувшись домой, Катя надеялась утешиться в объятиях Михаила, но обнаружила... бездыханное тело любимого. Неужели снова дурная шутка? Или страшная правда?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Зорина Н., Зорин Н., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96745-2

ЧАСТЬ I

Глава 1

Рвать так рвать! Чего уж тут расшаркиваться. С самого начала нужно было действовать более решительно. А теперь все, что от нее требовалось, — твердо и жестко отказать. Она не должна была соглашаться на этот прощальный ужин. Ни при каких обстоятельствах. Ни ему, ни ей это все равно бы уже ничего не дало, кроме новой порции мучений, взаимных обвинений и препирательств. Агония расставания и так растянулась почти на полгода. Но она опять не смогла отказать и согласилась. Если бы она знала, чем все закончится, если бы знала!

Вадима, своего бывшего мужа, Катя Васильева не любила никогда. Но так получилось, что именно он однажды оказался в нужном месте, в нужный час, когда Катя, обессиленная несчастьями, особенно нуждалась в чей-либо поддержке. А он, Вадим Злотник, не только поддержал тогда Катю, но и явился своего рода ее ангелом-спасителем. Спас от себя самой и от навалившихся на нее несчастий, чтобы потом сгрести в охапку и выдать за себя замуж. Тогда Кате было все равно. Но ведь всю жизнь «все равно» быть не может.

Наверное, она должна была испытывать к нему благодарность, ощущать себя очастливленной им, возможно, она не имела права его не любить и приговорена была жить со своим спасителем всю оставшуюся жизнь и умереть с ним в один день. Но ни благодарности, ни любви Катя к Вадиму не испытывала, а два года, прожитые вместе, воспринимала как бесконечный

кошмар. Но конец все-таки настал. Когда жить с Вадимом стало совсем невозможно, она вдруг познакомилась с Мишей.

В тот вечер Вадим задержался на работе. Периодически он названивал из своей гостиницы, хозяином которой являлся, говорил, что через полчаса приедет домой, но по прошествии получаса так и не появлялся, а вместо этого снова раздавался звонок, и Вадим объяснял, что возникли новые непредвиденные дела и он задержится. К его приезду Катя всегда долго готовилась, собирала всю свою волю, чтобы ни на лице, ни в интонациях голоса не отражалось ее истинного к нему отношения — раздражения, переходящего то в отвращение, то в прямую ненависть. Раздражал он ее всегда, без всякой причины, а уж когда имелась хоть самая незначительная причина, раздражение в Кате просто хлопотало, доводя ее до тихой истерики, до дрожи, до помешательства. Но Катя по возможности старалась не показывать этого. Наверное, Вадим все-таки догадывался о ее чувствах, и потому, чтобы не застать врасплох, всегда предупреждал звонком по телефону о своем появлении.

Когда Вадим позвонил в четвертый раз, Катя не выдержала. Ну сколько можно замораживаться и оттаивать, умирать и возрождаться? Не договорив с мужем, она бросила трубку и выбежала из квартиры.

В ларьке возле остановки Катя купила баночку пива и, чтобы немного успокоиться, решила посидеть где-нибудь в тишине и покое. Завернув в скверик, она присмотрела скамейку, свободную и хорошо освещенную. И тут появился он...

Михаил Анатольевич, Михаил, Миша, Мишенька — этапы их отношений: знакомство, сближение, близость, краткие порывистые встречи, робкое, стыдливое счастье, мечты о вечном блаженстве вдвоем, только вдвоем.

Но как же мешал Вадим!

Катя долго не могла решиться рассказать все мужу

и одним ударом разрубить невыносимые отношения. А когда наконец рассказала и нашла в себе силы от него уйти, выяснилось, что Вадим — не единственное препятствие к их счастью. Михаил тоже оказался не свободен. И тоже был женат на женщине, которую никогда не любил, отношениями с которой тяготился, но бросить которую пока не мог.

«Я не могу ей пока об этом рассказать, Катенька, она просто умрет, понимаешь?» — оправдывался Миша.

Катя понимала, еще как понимала. Ведь Вадим ее шантажировал тем же. Он и после их окончательного разрыва бродил неприкаянной тенью, уговаривал вернуться, заламывал руки и грозил самоубийством. В самоубийство Катя не верила, но выносить постоянные его стенания было невозможно.

Господи! Как она их ненавидела. И боялась.

У Нинели Эдвиновны была какая-то похожая на Катину история в прошлом, а Миша повторил в свое время путь Вадима, оказавшись в том месте и в тот момент, когда Нинель, обессиленная какими-то своими несчастьями, бросилась к нему, а он не мог ее не спасти, не сгрести в охапку и не выдать за себя замуж. За одним исключением, что любить он ее не любил, а просто пожалел.

А может, и не было никакой истории, все эта стерва тогда выдумала, просто для того, чтобы охмурить Мишу, ее Мишу. Чтобы потом, через чертову прорву лет, встать препятствием на пути к их счастью, вползти гюрзой в их отношения, обвиняя холодным скользким кольцом, и довести ее, Катю, до дикого, сумасшедшего отчаянья.

Впрочем, Екатерина Васильева, как взрослый, разумный человек, понимала, что все это не совсем справедливо. Бедная Нинель Эдвиновна никуда не вползала, ничего не разрушала, а занимала свое место по праву. Это Катя вторглась на чужую территорию, дезертировав со своей, с которой по всем моральным законам

уходить не имела права. Это она во всем виновата, а во все не Нинель, и уж тем более не Вадим.

Но все это дела не меняло. Страх перед ветхозаветной Нинелью Эдвиновой не становился меньше, вина перед Вадимом не делалась меньше, кошмар их незримого присутствия не переставал быть кошмаром.

Полгода кошмара. Полгода отчаянья. Полгода невероятного счастья, надежд, полной безнадежности.

А потом Вадим исчез, перестал ее преследовать. Катя вздохнула с облегчением: хоть с одним решилось. Наверное, он в конце концов понял, что никакие уговоры и угрозы не помогут, и отступился. Она уже начала понемногу успокаиваться на его счет, как вдруг...

Если бы она знала, чем все это кончится, если бы знала!

Он появился однажды утром, подкараулив ее в подъезде. На этот раз выглядел он вполне нормально, рук не заламывал, говорил спокойно, пообещал, что даст развод, заверил, что больше не будет ее преследовать, и даже намекнул на какое-то свое новое увлечение, но просил о прощальном ужине на даче, 25 октября, в день его рождения.

Катя не смогла ему отказать, разве можно отказывать в последней просьбе кому бы то ни было: будь то приговоренный к казни преступник, будь то приговоренный к разводу муж.

Если бы она знала!

...Неожиданно и совершенно не по сезону выпал снег, обильный и липкий. Вадим заехал за ней днем, после обеда, на своем новом джипе, вылизанном, несмотря на слякотную погоду (дороги совершенно развезло), до неправдоподобного блеска, даже колеса сверкали идеальной чистотой.

В машине ее укачало. Катя пожаловалась Вадиму, но он обиженно сказал, что она просто капризничает: бензином не пахнет и не трясет, да и ехать не так долго,

но, если она хочет, он может остановиться, они выйдут, немного прогуляются, подышат воздухом. Сам-то он был без ума от своего тарантаса, такого новенького, такого еще необжитого — необъезженного. «Ну что ж, — подумала Катя, — джип вполне заменит ему неверную жену, Вадим быстро утешится. Уж не это ли его новое увлечение?» Чтобы не оскорблять в лучших чувствах мужа, выходить из машины Катя не стала, только опустила до половины стекло и подставила лицо под воздушный поток.

Тошнота свернулась в желудке маленькой подлой змейкой и настороженно задремала, в любой момент готовая проснуться. Лишь бы не тряхнуло, лишь бы не было этих ужасных спусков, когда дорога идет под гору.

Катя сложила руки на животе, убаюкивая тошноту.

Нет, за тем поворотом точно пойдет под гору, и тогда...

Она хорошо помнила дорогу. Они столько раз приезжали сюда за те два года, что прожили вместе. Любой праздник — день рождения, именины, ее и Вадима, Новый год, годовщины свадьбы и знакомства — они справляли в этом загородном доме. А летом так и без всякого повода заваливались сюда шумными компаниями или просто вдвоем. Катя предпочитала приезжать с народом, хоть и терпеть не могла шума. Чем дальше, тем труднее ей было выдерживать Вадима наедине. Он был хорошим, заботливым, любящим мужем, пекся лишь о том, чтобы она, Катя, была счастлива, чтобы ни одно ее желание не осталось невыполненным. Но, черт его знает почему, Вадим не вызывал в ней никаких добрых чувств, а только глухое раздражение.

Машину тряхнуло. Змея недовольно заворочалась в желудке. Катя, зажав рот рукой, судорожно стала шарить по сиденью в поисках пакета.

Слава богу, ложная тревога. Змея улеглась, поворо-

чалась немного, устраиваясь поудобней, и вновь задремала.

Вадим подбадривающе улыбнулся Кате в зеркальце, но не обернулся. Он был дисциплинированным водителем, никогда не отвлекался от дороги.

...Первый Новый год, который они праздновали на даче, был действительно счастливым. И Вадим совсем ее не раздражал. Прямо перед домом росла огромная старая ель. Каждый из приехавших гостей привез свой комплект елочных игрушек, но их все равно не хватило. Тогда принялись украшать елку чем придется, даже бутылки с шампанским подвесили, даже фрукты пошли в ход. Особенно красиво смотрелись апельсины.

— Ты знаешь, я пригласил народ, — сказал вдруг Вадим. — Все-таки у меня день рождения.

— Народ? Какой народ? Зачем?

— Ну какой? Всех наших: Ленчика с Ленкой, Тыча, Алика с Лилей, Риту.

Наших! Неужели Вадим все еще объединяет их в одно целое, неужели он так и не понял, что никаких «наших» больше не существует, есть «его» и «ее» — знакомые, вещи, жизнь.

— Ты же говорил, прощальный ужин. Зачем было всю эту кофлу сюда тащить?

— Ну да, прощальный ужин. Но с чего ты взяла, что он обязательно должен быть ужином на двоих?

— Мне казалось, это естественно. Почему ты не сказал мне, что будет еще кто-то? Я бы тогда...

— Все правильно, ты бы тогда не согласилась поехать.

— Конечно, не согласилась бы. Ты меня просто обманул.

— Да? — Вадим опять посмотрел на нее в зеркальце, не оборачиваясь. — По-моему, это ты меня обманула. Ты бросила меня, сбежала со своим этим...

— Ладно, не будем начинать все сначала. Давным-

давно уже все выяснили. — Катя отвернулась к окну, чтобы не встречаться взглядом в зеркале с Вадимом.

— Ты всегда была ко мне несправедлива и никогда не любила меня.

Господи, ну чего он нудит? Сколько же можно талдычить одно и то же! Ну, конечно, он прав, а она во всем виновата. Но ведь Катя и не спорит, свою вину вполне признает. И на этот ужин его прощальный согласилась поехать.

Может, и хорошо, что Вадим позвал народ, оставаться с ним наедине сегодня совсем было бы невозможно.

Они въехали в дачный поселок. Этот недостроенный новорусский городок и летом-то был пустым и необжитым. Двух- и трехэтажные дома за высокими каменными заборами выстроились ровными рядами. Ни магазинов, ни даже коммерческих ларьков не было. Хозяева домов появлялись здесь наездами, постоянно не жил никто. Сейчас, поздней осенью, занесенный ранним снегом поселок выглядел и совсем неуютно. Ни одного человека им не попало навстречу, на нетронутом снегу не было видно следов. Вполне возможно, что в данный момент они были единственными его обитателями. Кате стало даже жутковато, и она опять подумала, что приезд шумной компании не такая плохая идея.

Выгрузившись из машины, девушка немного потопталась, разминая ноги и затекшее тело, отдышалась от бензинового перегара и пошла к дому. Он тоже был, как и все строения вокруг, вычурно-новорусским: очень большой, с высоким крыльцом на восемь ступеней, с литыми чугунными перилами, массивной дубовой дверью, с зелено-красной крышей.

— Помнишь, как мы здесь елку украшали? — Вадим грустно посмотрел на Катю. Она ничего не ответила, дернула ель за лапу, стряхивая снег. — Катюша, милая, неужели тебе не жалко всего этого?

— Вадим, я прошу, не надо. Что было, то было. Сейчас уже ничего не изменишь.

— Думаешь? — Вадим как-то странно зло усмехнулся. — Как знать, как знать.

Он долго возился с замком. Нарочно долго, как показалось Кате. Наконец дверь поддалась, и они вошли в дом.

Судя по всему, сюда давно никто не приезжал. Дом выглядел нежилым и чужим. Здесь было так же холодно и сыро, как на улице, и полностью отсутствовали запахи.

— Сейчас я включу отопление, а потом выгружу из машины продукты. Приготовим что-нибудь на скорую руку, там в основном полуфабрикаты.

— А когда народ соберется?

— Через час-полтора. У нас будет время все приготовить и немного посидеть вдвоем. Я так по тебе соскучился! Если бы ты знала, Катюша. — Вадим до боли сжал ее руку.

Пожалуй, она не рассчитала своих сил: полтора часа таких истерических рыданий и рукопожатий она не выдержит. Ну что Вадим за нудный человек? Ведь все ясно, зачем в тысячный раз возвращаться к старому.

Полгода он ходит вокруг нее кругами, полгода спрашивает то, чего дать она ему не может. Казалось бы, с лихвой хватило прощания, жуткого, душераздирающего прощания. На этом можно было бы и остановиться.

Ну вот, он опять улыбается своей жалкой улыбкой побитой дворняжки. Как и тогда, при прощании.

Он барабанил пальцами по стеклу, стараясь привлечь ее внимание, и все улыбался, улыбался. Катя сидела в машине, и таксист уже завел мотор, но Вадим не давал ей уехать. Он держался за ручку дверцы, барабанил по стеклу и ждал, когда она наконец повернется и посмотрит на него. Она повернулась и посмотрела. Только этого ему и надо было — Вадим впился, словно вампир в свою жертву, в глаза Кати взглядом обиженного юро-

дивого. Может быть, он даже чуть-чуть преувеличил безумие, чтобы она запомнила его таким навсегда, чтобы его образ преследовал ее вечно... Он не мог понять, почему она уезжает, почему она разлюбила его, он не мог понять, что она его никогда не любила.

Наконец Вадим ушел.

Катя отправилась на кухню, включила плиту. Вряд ли что-то придется варить, наверняка закуски будут холодными, но на всякий случай — электроплита разогревается медленно.

Зашумела в батареях вода — это Вадим включил отопление. Ему еще нужно выгрузить сумки и расчистить на дорожке снег. Минут пятнадцать в ее полном распоряжении.

Катя прошла по первому жилому этажу дома — второй вот уже три года, с тех пор как приобрели эту дачу, оставался недостроенным, даже электричество не было проведено. А здесь оказалось все так же, как тогда, когда Катя приезжала в последний раз, полгода назад, словно холод и пустота законсервировали и мебель, и все вещи в этом временном пристанище праздников и случайных наездов. Голые, без постелей, кровати, холодные влажные стулья и диваны, столы без скатертей и полы без ковров — все выглядело мертвым и неуютным, все это следовало отогреть, пробудить к жизни. Хотя надо ли? В любом случае они пробудут в доме каких-нибудь несколько часов, от силы — до утра. Стоит ли стараться? Временное пристанище так и останется временным, да и лично к ней все эти вещи никогда уже не будут иметь никакого отношения.

Катя вернулась на кухню и поставила чайник. Вадим еще не приходил, сумок с продуктами не наблюдалось. Наверное, сначала решил расчистить снег. Ну и ладно, чем дольше его не будет, тем лучше.

Катя открыла шкаф и долго перебирала разнокалиберные баночки и коробочки, но ни чаю, ни кофе так

и не нашла. Чайник закипел, но толку от этого никакого. Придется все-таки пойти поторопить Вадима с сумками — там наверняка есть и кофе, и чай.

Катя сняла с плиты чайник и вышла на улицу. Как она и предполагала, Вадим расчищал снег перед домом. Он был в одном свитере, черном, своем любимом, дубленка висела на перилах.

— А я тебя жду с продуктами, — ворчливо начала Катя, — снег можно и потом расчистить.

Вадим обернулся, шутовским движением отер со лба «трудовой» пот и, нарочито тяжело вздохнув, сказал:

— Трудотерапией занимаюсь. Отличное средство от стрессов и жизненных невзгод. Очень рекомендую на будущее. Я вот помахал немного лопатой — и на душе почти праздник. И даже тебя уже почти не люблю. — Он зашелся в долгом, больном, мучительном смехе, как в приступе кашля.

Кате стало его очень жаль, ей вдруг захотелось прижать Вадима к себе, как маленького, жестоко и несправедливо обиженного ребенка, утешить, приласкать. Она подошла к мужу, тихонько дотронулась до его разгоряченной щеки, но он резко отстранился, отбросил ее жалеющую руку.

— Не надо, — зло проговорил он. — Не надо себя пересиливать. Тебе ведь всегда было неприятно прикасаться ко мне, а сейчас тем более. Сам справлюсь.

— Да я ничего...

— Вот ничего и не нужно. Пойду принесу сумки.

Вадим бросил лопату и направился к машине. Но дойти до нее не успел — абсолютную тишину безлюдного дачного поселка разорвал выстрел. Вадим вскрикнул, схватился за грудь, по инерции сделал шаг вперед, пошатнулся и рухнул на только что расчищенную дорожку.

Это было до такой степени нереально, невозможно, что Катя даже не сразу поняла, что произошло. Некоторое время она стояла с застывшей, бессмысленной

улыбкой и смотрела на распростертое тело бывшего мужа. Потом нерешительно подошла к нему, позвала обиженно-испуганно:

— Вадик, ты чего?

Он ничего не ответил, не пошевелился и даже не застонал. Его неподвижность начинала пугать. Катя присела на корточки, дотронулась до плеча Вадима.

— Перестань, вставай, хватит дурачиться! — И в ужасе уставилась на свою руку — ладонь окрасилась липко-красным.

— Вадик! Вадик! — Катя обхватила плечи мужа и попробовала его приподнять. Голова Вадима безжизненно мотнулась в сторону. Снег под ним был таким же липко-красным, как и ее ладонь. Вадим был мертв. Убит.

Плохо соображая, что она делает, Катя принялась тереть ладонь о снег. Ей казалось, что, если смыть это красное, кошмар прекратится. Но он только начинался: неподвижное безжизненное тело мужа не оставляло в этом никаких сомнений.

Где-то вдалеке просигналила машина — наверное, приехали гости. Но имеет ли это теперь какое-то значение? Они тоже ничего не смогут исправить.

Катя села на снег рядом с телом Вадима и стала ждать. Чего? Она и сама не знала.

Машина приближалась. Надсадно ревел мотор, с трудом преодолевая снежную преграду. Катя повернула голову на этот звук, но из-за высокого забора ничего не увидела. Тогда она встала, открыла калитку и выглянула на улицу. Из-за угла выворачивала чужая серая «девятка». Нет, это не к ним, в какой-нибудь из соседних домов.

Машина подъехала к их даче и остановилась. Из нее вышел незнакомый мужчина лет тридцати довольно яркой внешности, в рыжей кожаной куртке. В руках он держал коробку, перевязанную ленточкой, — очевидно, подарок. Катя сделала шаг к незнакомцу,